

На следующий день после церемонии зачисления Цзи Ляю начал военную подготовку.

Линь Луоцин тысячу раз напомнил ему: [Обязательно наноси солнцезащитный крем! Температура в последние дни почти достигает сорока градусов, без крема точно получишь солнечный ожог!]

Цзи Ляю пришлось нанести крем и отправить ему фотографию, чтобы доказать: [Нанёс, действительно нанёс, не волнуйся, папа.]

Только тогда Линь Луоцин успокоился и попросил его быть осторожным, чтобы не получить тепловой удар.

Ши Ци, наблюдая за этим, не мог не воскликнуть: – Твой папа так за тебя переживает, в отличие от моего, который, кажется, совсем забыл, что у него есть сын.

Цзи Ляю с гордостью ответил: – Мой папа всегда обо мне заботится.

– Пойдём, я тоже нанёс крем, скоро время построения.

Цзи Ляю кивнул, и они вместе вышли из общежития.

Для Цзи Ляю военная подготовка не была чем-то сложным.

Ещё в детстве его жёстко тренировал Ло Цзя, поэтому всё, чему учили инструкторы, он уже знал, а если чего-то не знал, то учился с первого раза.

Инструктор, который их вёл, не ожидал, что в его группе окажется такой студент, и с интересом несколько раз вызывал его для демонстрации, а в конце с радостью отпустил.

Поэтому, когда инструктору нужно было ненадолго отлучиться, он всегда вызывал Цзи Ляю, чтобы тот присматривал за остальными.

– Не ленитесь, пока меня нет, я вернусь и проверю. Цзи Ляю, присмотри за ними и поправляй их движения, я скоро вернусь.

Цзи Ляю кивнул, наблюдая, как инструктор уходит, затем подошёл к бутылке с водой, которую купил ранее, и, попивая воду, начал отдавать команды для тренировки.

Однокурсники, хотя и злились, но не могли не высказаться: он слишком провоцирует! Настоящий предатель народа!

Цзи Ляю улыбался: – Поднимайте ноги выше! Посмотрите на ваши движения, они совсем не соответствуют стандартам!

Однокурсники злились так, что готовы были упасть в обморок от теплового удара.

Но, несмотря на свои шутки, он всё же знал, на чьей он стороне, и вскоре начал закрывать глаза на отдых студентов.

Все сидели на земле, пили воду и жаловались.

Пока кто-то издали не увидел тень инструктора и не закричал: «Инструктор идёт!» Цзи Ляю сразу же заставил всех снова встать и продолжить тренировку.

Он делал вид, что строго следует указаниям инструктора.

Инструктор тоже не стал разоблачать их маленькую хитрость, махнул рукой и позволил ему вернуться в строй.

Так они мирно сосуществовали, пока военная подготовка не подошла к концу.

В последний день, после парада, был небольшой вечер художественной самодеятельности, где каждый класс должен был представить хотя бы один номер.

Командир роты с улыбкой посмотрел на них: – Кто будет выступать от нашего класса?

– Конечно, староста, – кто-то подшутил.

Староста сразу же отказался: – Да ну, кому интересно смотреть на мои выступления? Это должен быть наш Цзи Ляю, весь первый курс знает его имя.

Все засмеялись.

Это была правда. С первого дня, когда Цзи Ляю стоял на сцене во время вступительной речи, его лицо привлекло внимание многих юношей и девушек.

Не говоря уже о его выдающихся результатах во время военной подготовки, которые уже разошлись по всему первому курсу. К нему даже приходили из радиокружка, спрашивая, не хочет ли он быть диктором на параде.

Приходили из знамённой группы, спрашивая, не хочет ли он быть знаменосцем.

Даже из пропагандистской группы приходили, спрашивая, не хочет ли он написать речь для парада.

Цзи Ляю: ...

Цзи Ляю отказался от всего.

Даже когда командир роты хотел выбрать его как образцового солдата, он махнул рукой: «Не надо, не выбирайте меня, я ленивый».

Так что остальные студенты факультета компьютерных наук считали его довольно спокойным.

– Ладно, вы думаете, он хочет выступать? Он даже в знамённую группу не пошёл.

Цзи Ляю кивнул, это правда, он просто хотел спокойно наблюдать со стороны.

В итоге староста взял на себя эту ответственность и решил вытащить свою давно забытую гитару, чтобы сыграть и спеть.

Однако в день выступления, будь то из-за нервов, волнения или просто несварения желудка, староста несколько раз бегал в туалет, и к моменту выступления выглядел совершенно измождённым.

– Ты в порядке? – поинтересовался Вэй Хао. – Ты сможешь выйти на сцену?

– Должен, – сказал староста, держа гитару. – Мы не можем остаться без номера.

Едва он закончил говорить, как снова почувствовал боль в животе и, передав гитару стоящему рядом, снова побежал в туалет.

Все переглянулись и не могли не восхититься: – Настоящий боец духа.

– Мужество достойно похвалы.

– Дух вызывает уважение.

– Но сможет ли он действительно выйти на сцену?

– Самое страшное – это выйти на сцену и не суметь с неё сойти, это будет неловко.

– Что он вообще ел в обед? – удивился Цзи Ляю. – Как он так?

– Мы ели в столовой, – ответил сосед по комнате. – Мы все ели одно и то же!

– Тогда почему ты в порядке?

– Думаю, он просто нервничает, – тихо сказал сосед. – Он давно не играл на гитаре, не говоря уже о выступлениях на сцене. Он сам говорил, что боится, что не справится.

Цзи Ляю: ...

Цзи Ляю не мог этого понять.

Что тут может быть нервного?

Просто выйди на сцену, сыграй и уйди.

Разве это стоит нервов?

Он взял гитару: – Я пойду.

Как раз в этот момент староста, закончив свой бой, вернулся и с удивлением спросил: – Куда ты?

– Играть на гитаре, – спокойно сказал Цзи Ляю.

– Или ты хочешь попробовать выйти в таком состоянии? Тогда держи. – Цзи Ляю протянул гитару.

Староста сразу же отступил на два шага, как будто перед ним была не гитара, а горячая картошка: – Лучше ты.

Он просто был загнан в угол, и теперь, когда кто-то добровольно взял на себя эту роль, староста почувствовал, что боль в животе прошла!

– Ты ещё и на гитаре играешь?

Ши Ци, услышав это, засмеялся: – Что он только не умеет! Ты не видел, как он выступал на школьном концерте, играл и пел, это было потрясающе, и в итоге все учителя и студенты единогласно проголосовали за него как за лучшего.

Староста был поражён: – Вот это да.

- Да, наш Цзи Ляю не только хорошо учится, но и всесторонне развит. Когда на следующий год будут спортивные соревнования, ты увидишь, что значит сочетать скорость спортсмена, талант артиста и ум учёного.

Цзи Ляю: ... Не нужно так его расхваливать.

Но, услышав о школьном концерте, Цзи Ляю невольно вспомнил о Линь Фэе.

К сожалению, на этот раз он не сможет его увидеть.

Цзи Ляю вдруг стало грустно, и гитара в его руках стала казаться тяжелее.

Он взял её просто от скуки и потому что не понимал, как можно нервничать из-за выступления на сцене, поэтому решил заменить старосту.

Но теперь, вспомнив, что Линь Фэя нет, он почувствовал, что это бессмысленно.

Для кого он будет играть?

Линь Фэй не услышит, так какой смысл играть?

Тоска снова нахлынула на него, застав врасплох.

Однако ведущий уже объявил: - Следующий номер - песня «Берёзовая роща» в исполнении Цао Тунсиня из седьмой роты.

Староста Цао Тунсинь поспешно подтолкнул Цзи Ляю: - Быстрее, твой выход.

Цзи Ляю ничего не сказал, взял гитару и вышел на сцену.

Ведущий, увидев его, немного удивился.

Цзи Ляю подошёл к микрофону и тихо сказал: - «Берёзовую рощу» я сыграть не смогу, я сыграю другую песню.

Зрители в зале сразу же закричали от восторга.

Кто-то шептался: - Этот Цао Тунсинь такой красивый! Из какого факультета седьмая рота?

- Ты что, слепой? Это же Цзи Ляю, тот самый, который выступал с речью на церемонии зачисления.

- Ах, вот почему он выглядит так знакомо, это он!

- Боже, какой красавец! Как может человек быть одновременно таким умным и красивым? Это несправедливо!

- Интересно, есть ли у Цзи Ляю девушка? С таким лицом, наверняка уже есть.

Ши Ци быстро пробрался в зал, выбрал место посередине и присел, доставая телефон, чтобы запечатлеть этот момент.

Вэй Хао, Шэнь Юй и Цао Тунсинь тоже вышли и встали в зале, поддерживая его.

Ши Ци вдруг вспомнил что-то и посмотрел на Вэй Хао: - Тыними видео, потом скинь мне.

- Хорошо, - согласился Вэй Хао.

Ши Ци быстро переключился на другой аккаунт и написал Линь Фэй: [Ты здесь, гений? Можешь принять видео?]

Линь Фэй как раз был в общежитии и читал книгу. Услышав уведомление, он отложил книгу и позвонил ему по видео.

Ши Ци быстро ответил, и в следующую секунду Линь Фэй увидел Цзи Лэю на экране.

Он был в белой футболке и джинсах, сидел на табурете с гитарой в руках.

Линь Фэй достал свои наушники и вставил их в уши.

Через мгновение Цзи Лэю начал играть на гитаре.

Линь Фэй услышал его чистый и ясный голос:

[Сними маску, беги к границам мечты

В полночь тыквенной кареты, надень хрустальные туфельки

Позволь мне насладиться этим чувством, я - гордая роза

Позволь мне ощутить этот вкус, непонимание этого хаотичного мира

Вчера слишком близко, завтра слишком далеко

Тихо слушаю ночь

Вечерний ветер целует листья лотоса

Позволь мне упасть у пруда

Когда ты ясно увидишь мою красоту

Лунный свет высушит слёзы

Тот, кто любит меня

Крепко держит мою руку

Обними меня, поцелуй, любовь, не уходи]

Это была песня «Объятие».

Линь Фэй спокойно слушал. Эту песню Цзи Лэю выучил давно.

Он играл её в своей музыкальной комнате, солнечный свет падал на его лицо, и он с улыбкой пел: «Тот, кто любит меня, крепко держит мою руку, обними меня, поцелуй, любовь, не уходи».

Затем, закончив петь, он положил гитару, протянул руки и капризно сказал: «Обними меня».

Тогда Линь Фэй с лёгкой досадой подошёл и обнял его.

Цзи Лэю радостно сказал: - Я спел «Объятие», чтобы ты обнял меня, понял?

- А если ты споешь «Яблоко», ты захочешь съесть яблоко? - пошутил Линь Фэй.

Цзи Лэю фыркнул: - Наказание - сегодня вечером ты почищишь мне яблоко!

Линь Фэй смотрел, как Цзи Лэю тихо играет и поёт на видео. Когда последний аккорд стих, Цзи Лэю встал, слегка поклонился зрителям и ушёл за кулисы.

Ши Ци завершил видеозвонок и написал: [Гений, ты видел? Я подумал, что ты захочешь посмотреть, поэтому спросил, можешь ли ты принять видео. Теперь мне нужно идти за кулисы к нему, так что пока не буду тебя отвлекать.]

Линь Фэй ответил: [Хорошо. Спасибо.]

Он снял наушники, взял с полки фотоальбом и ещё кое-что, положил всё в бумажный пакет.

- Я выхожу, - сказал он Цзян Цзиншо.

Цзян Цзиншо удивился: - Сейчас? Уже почти девять. Ты вернёшься сегодня?

- Посмотрим, - спокойно сказал Линь Фэй.

Жэнь И с любопытством спросил: - Что случилось?

- Иду к брату, - ответил Линь Фэй.

Сказав это, он вышел из комнаты.

Не Хун: ...

- У них действительно хорошие отношения, - не мог не заметить Не Хун. - Утром не вернулся из-за брата, вечером ушёл из-за брата. Я впервые вижу такого ярого братолюбца.

Жэнь И кивнул. Он тоже знал, что Линь Фэй и Цзи Лэю близки, но не думал, что настолько!

Это почти как у влюблённых!

Цзян Цзиншо, глядя на их удивлённые лица, покачал головой: - Вы ещё ничего не видели.

Линь Фэй даже не сказал вам: «Если мой брат тебя не любит, я сразу порву с тобой отношения», это ещё мягко.

Он покачал головой, понимая, что его соседи по комнате ещё будут удивляться.

Цзи Лэю сошёл со сцены и сел в зрительном зале, наблюдая за другими выступлениями.

К сожалению, его мысли были полны Линь Фэя, и все выступления казались скучными и неинтересными.

Тем временем его однокурсники продолжали обсуждать его выступление.

- Это было потрясающе! Цзи Лэю, ты просто бог! - восхищался Цао Тунсинь.

- Да, да, кто-то даже просил у меня твой номер, но я не дал. Может, хочешь дать?

- Если бы на этом концерте были награды, ты бы точно занял первое место с такой популярностью.

- Ха-ха-ха, вы только посмотрите, кто-то уже выложил видео с выступлением Цзи Лэю на форуме, и все хвалят, даже советуют ему сразу дебютировать.

Все радовались, а Цзи Лэю казалось, что они слишком шумят.

Он встал и подошёл к командиру роты, сказав, что плохо себя чувствует и хочет уйти.

Командир роты, который с самого начала военной подготовки симпатизировал ему, конечно, не стал его задерживать и разрешил уйти раньше.

Цзи Лэю повернулся и пошёл к выходу с поля.

Он смотрел на телефон, на экране которого была заставка – картина, нарисованная Линь Фэем.

На картине он был ярким и солнечным.

Он разблокировал экран, и там была фотография с того концерта, где они с Линь Фэем встретились под луной. Он прикрыл один глаз Линь Фэя рукой и улыбался ему.

Цзи Лэю медленно открыл альбом и стал листать фотографии Линь Фэя.

Он сохранил так много фотографий Линь Фэя, чтобы в любой момент, когда захочет его увидеть, мог посмотреть на него, даже если это лишь тень прошлого.

Он шёл, глядя на фотографии, как вдруг зазвонил его специальный звонок для Линь Фэя.

Цзи Лэю вздрогнул и рефлекторно ответил: – Алло.

- Ты в общежитии? – он услышал голос Линь Фэя.

- Нет, – тихо ответил он.

Говоря это, он свернул за угол и оказался на дороге, ведущей к его общежитию.

Под тусклым светом фонаря кто-то стоял у входа в его общежитие, свет окутывал его фигуру золотистым сиянием, словно лёгкий сон.

Цзи Лэю на мгновение замер.

Он смотрел на высокую фигуру, стоящую напротив, как на старинную картину, полную глубокого смысла.

«Тук-тук», что-то забило в его груди, как барабан.

- Тогда где ты? – мягко спросил Линь Фэй.

Цзи Лэю не ответил.

Он просто смотрел на человека перед собой, жадно и сосредоточенно.

Наконец, он тихо сказал: – Оглянись.

<http://bllate.org/book/14691/1312609>